

В своей рубрике «Уроки истории» мы предлагаем нашим читателям ознакомиться с книгой Владимира Слабуки «95 лет органам безопасности на Камчатке: события и судьбы», выпущенной издательством «Русский остров» (г. Владивосток).

Деятельность органов безопасности на Камчатке неразрывно связана с историей полуострова – северо-восточного форта России. Близость границы накладывает свой отпечаток. Рассказывая о службе чекистов, автор раскрывает подробности событий, в разные годы происходивших на полуострове. Большая их часть их не была известна даже историкам-краеоведам. Сборник очерков, написанных живым и понятным языком, наверняка заинтересует жителей Камчатского края.

Фрагменты книги, относящиеся непосредственно к истории нашего полуострова, мы публикуем на страницах нашей газеты.

Глава 1

От жандармской пешей команды – до губернского отдела ГПУ

Генерал Иванов-Мумжиев смотрел на Александра Пурина, не скрывая презрения и брезгливости. Бывший телеграфист, вознесенный революционным лихолетьем на высоты камчатской власти, руки с зажатым двумя пальцами листом тонкой рисовой бумаги не опускал. По крупным буквам напечатанного на ней текста без труда угадывалась пишущая машинка японского консульства. Она одна в Петропавловске имела такой шрифт.

– Что, сами Иудину грамоту сочинить не могли, японцы потребовались? – прищурил глаза, процедил генерал.

– Вы не понимаете, Петр Михайлович. Это спасение для всех нас. Вы остаетесь на Камчатке, управляете нашим богатейшим краем. Японцы готовы нас финансировать,

они гарантируют, что не пустят сюда большевиков...

– Вот что, батенька, я участник трех войн, не считая этой, братоубийственной... Георгиевский кавалер, за русско-японскую награжден золотым оружием... В крестьянской семье родился... Погоны полковника при государе императоре собственными потом и кровью заслужил, никогда не подличал в поисках наград и привилегий, а уж пойти на предательство ради собственного благополучия... торговать землей российской – увольте...

Неизвестно, такой или нет диалог состоялся между начальником Камчатской области генерал-майором П. М. Ивановым-Мумжиевым и управляющим его канцелярией чиновником военно-морского ведомства А. А. Пуриным. Петр Михайлович записок не оставил. О том, что Иванов-Мумжиев отказался в октябре 1922 года подписывать обращение к микадо, составленное японским консульством, известно со слов Пурина.

Он же рассказывает о содержании документа.

В обращении, которое требовали от начальника Камчатской области подписать, японцев фактически призывали оккупировать полуостров. В качестве источника финансирования коллаборационистского правительства на полуострове Страна восходящего солнца предполагала использовать средства за пользование биологическими ресурсами в российских территориальных водах, которые Токио на протяжении нескольких лет ни белогвардейским, ни советским властям не выплачивало, а аккумулировало на специальных счетах. Речь шла о серьезной по тем временам сумме в 7 миллионов иен.

Пурин неизменно сожалел, что генерал Иванов-Мумжиев не подписал обращения. Позднее Александр Антонович, продолжавший именовать себя председателем Камчатского областного комитета, в письме возглавляющему Совет уполномоченных организаций Автономной Сибири В. И. Моравскому сообщал: «По делам эвакуированных мне пришлось быть в Токио, где видные японские общественные деятели, представители крупных фирм в Российском посольстве жестоко бичевали поступок генерала Мумжиева и наши решения оставить северо-восточную окраину, каковым поступком мы привели к гибели белого движения в Якутской области».

Вблизи берегов Камчатки и в Петропавловской бухте стояли японские крейсера и миноносцы, готовые воспрепятствовать высадке экспедиционных сил Красной Армии на полуостров. На кораблях ждали специального сообщения от императорского консула в Петропавловске о том, что законные камчатские власти просят защитить их от большевиков. Сообщения от консула не последовало...

2 ноября 1922 года администрация Камчатской области, назначенная владивостокским правительством генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса, воинские команды и значительная часть зажиточного населения полуострова покинули Петропавловск на пароходе «Сишан» и канонерской лодке «Магнит». На их борту в числе остальных четырех сотен беженцев находились Пурин и Иванов-Мумжиев. Оба они окажутся в Маньчжурии.

Пурин продолжит вести антисоветскую деятельность, примет участие в засылке террористических групп на территорию СССР. После того как его исключат из Совета уполномоченных организаций Автономной Сибири за «организацию и посылку группы для участия в партизанском движении, каковая... попала в крайне тяжелое положение, а собранные для этого средства оказались выброшенными в интересах советской провокации», начнет искать контакты с ИНО ОГПУ и установит их в 1934 году.

Оперативная связь с советской разведкой, согласно справке 1-го Главного управления КГБ при СМ СССР, датированной февралем 1956 года, им «поддерживалась (с перерывами) до 1942 года». Одновременно Александр Антонович, отмечается в справке, «сотрудничал с японской, американской, и британской разведками».

Скончается «слуга многих господ» от воспаления легких в хабаровской внутренней тюрьме МГБ в августе 1952 года в возрасте 67 лет. Перед этим он успеет кое-что рассказать о себе следователям, которые вели его дело. В частности, признается, что, покинув Камчатку, он по заданию японских спецслужб осядет в Циндао для антисоветской работы среди эмигрантов, войдет в состав Братства русской правды – одной из наиболее активных антисоветских организаций, занимавшихся шпионской и диверсионной работой на территории СССР.

[...]

По-другому сложится судьба русского болгарина боевого офицера П. М. Иванова-Мумжиева. В эмиграции он решительно откажется от политической деятельности и умрет в декабре 1927 года. Не выдержит сердце честного солдата. По некоторым сведениям, на него выходили сотрудники ИНО ОГПУ и передали предложение официальных советских властей, которым стал известен петропавловский эпизод, перейти на службу в Красную Армию. Иванов-Мумжиев вежливо отказался, заявив, что лишь единожды в жизни присягают.

Обязанности начальника Камчатской области генерал исполнял всего восемь дней, но, не подписав обращения к японцам, сделал для полуострова много больше, чем кто-либо из его предшественников в годы революционного лихолетья. Нам остается только гадать, как долго мог оставаться полуостров под фактической оккупацией японцев, получи они обращение «законных камчатских властей». С Северного Сахалина подданные микадо убрались только в мае 1925 года. Камчатка же вернулась в состав Советской России уже осенью 1922 года.

С первых же дней перед губревкомом, к которому с 10 ноября перешла вся полнота власти на громадной территории, включавшей в себя, кроме современного Камчатского края, Чукотку, Магаданскую область и часть северных районов Хабаровского края, во всей остроте встали вопросы обеспечения безопасности. И дело было не только в том, что продолжали действовать хоть и немногочисленные, но осознававшие свою обреченность, а потому дерзкие и беспощадно жестокие к представителям новой власти вооруженные группы. Их достаточно быстро сумеют обезвредить экспедиционные подразделения Красной Армии, имевшие в своем составе представителей особых отделов ГПУ. Уничтожат остатки вооруженных отрядов, занимавшихся политическим бандитизмом, после создания на полуострове органа безопасности камчатские чекисты во главе с И. Я. Ломбаком с помощью присланного из Владивостока дивизиона ОГПУ и созданного из экспедиционных войск и камчатских коммунистов отряда ЧОН.

Труднее, чем расправиться с бандами, оказалось преодолеть негативное отношение к новой власти со стороны значительной части населения губернии. Социально-политические настроения жителей северо-восточной окраины страны характеризовали две почти антагонистические тенденции. С одной стороны, негативное отношение к новой власти, а с другой – ожидание от нее экономического изобилия и прочих чудес. Поэтому неизбежным оказалось распространение среди жителей социального пессимизма. К тому же на Камчатке, Чукотке, в Охотском и Гижигинском уездах существовали обусловленные экономическими причинами стойкие симпатии к Японии и Соединенным Штатам. К моменту восстановления советской власти на территории губернии рубль практически вытеснили из обращения иена и

доллар.

Активно японцы работали по созданию сети агентов влияния и разведывательных резидентур. Особенно усиленно обрабатывалось население Усть-Большерецкой волости, южную оконечность которой от Японии отделяли семь миль Первого Курильского пролива. Жителей активно уговаривали перейти в подданство Страны восходящего солнца. Почти два десятка авторитетных жителей волости свозили на Хоккайдо, чтобы они посмотрели на жизнь в Японии.

По некоторым данным, в 1919 году жители волости написали письмо императору Ёсихито с просьбой принять их в подданство. Токио, видимо, на тот момент посчитал такой шаг политически невыгодным. Он поддерживало правительство А. В. Колчака, администрация которого управляла полуостровом.

Политическое и экономическое влияние японцев еще долго будет ощущаться на Камчатке.

[...]

Императорские военные корабли и транспорты использовали камчатские бухты как свои собственные.

Они зимовали в Петропавловской бухте в период с 1920 по 1922 годы.

Японские моряки патрулировали в дневное и ночное время улицы Петропавловска, проводили в его окрестностях тактические учения и стрельбы, в том числе из полевых орудий. Мало что изменилось и после восстановления на Камчатке советской власти.

21 мая 1923 года без предварительного извещения и получения разрешения в Петропавловскую гавань вошли японские вспомогательный крейсер «Канто» и три

миноносца. В бухте корабли императорского флота задержались надолго.

[...]

Ошвартованные в Петропавловской гавани японские корабли летом 1923 года блокировали своими мощными передатчиками работу местной радиостанции.

Советские власти несколько раз просили командиров кораблей не выходить в эфир на одной частоте с радиостанцией Петропавловска, те обещали, но продолжали глушить и перехватывать сообщения.

Гражданские суда Японии также продолжали заходить во все камчатские порты – Усть-Камчатск, Усть-Большерецк, Усть-Хайрюзово без уведомления и соблюдения существующих международных правил.

В камчатских водах японские рыбаки вели лов краба, лосося, другой рыбы без всяких ограничений. В 1917–1924 годах на их долю приходилось 99 процентов всех биоресурсов, добытых у берегов Камчатки, и 77 процентов лосося, выловленного в реках полуострова. При этом, по сведениям американского ученого Джона Стефана, «рыбаки и служащие консервных фабрик носили оружие и выставляли пикеты. Японские военные корабли стояли на якорях у берегов Озерновского и Петропавловска, имея на борту подразделения морских пехотинцев, готовых к высадке, если их соотечественникам потребуется помощь».

Особенно наших соседей интересовали каланы Командорских островов. В окружающих их водах подданные микадо вели браконьерскую охоту на морских животных, имевших несчастье получить от природы ценнейший мех. Незаконным промыслом японцы не ограничивались. В прибрежные воды Командорских островов в местах традиционного обитания каланов корабли императорского флота, полицейские шхуны и промысловые суда выливали нефть, надеясь, что она заставит животных мигрировать к Курилам, которые на тот момент принадлежали японцам.

Контрабанда в губернии носила массовый характер. Пушнина и все, что представляло ценность, в промышленных масштабах уходило за рубеж, прежде всего в Японию, Соединенные Штаты, Канаду, остававшуюся еще в подданстве британской короны. На Чукотке, в Охотском уезде янки, старатели-хищники со всего мира вели несанкционированную добычу золота, опять-таки с промышленным размахом. На Чукотке до сих пор можно найти остовы доставленных американцами в этот период на советскую территорию драг.

[...]

Коренное население спаивалось контрабандным спиртом. В ряде мест, особенно на севере Камчатки, на Чукотке, бесчинства японцев, американцев и канадцев переходили в откровенный бандитизм. Промысловый досмотрщик Олюторско-Наваринского промыслового района Д. Н. Бахирев летом 1922 года побывал на восточном побережье Камчатки. Вернувшись во Владивосток, он 15 сентября докладывал управляющему рыболовными и звероловными промыслами на Дальнем Востоке:

«5 июля в 9 часов утра я выехал на рыбалку Караева на реке Онухе... Меня встретил старшина Онли и сообщил весть о кошмарном убийстве, приблизительно в марте, полковника Нерике и лейтенанта Иванова вместе со служащими рыбалки с неизвестными фамилиями, убитых японцами для возможности ограбления предприятия. Был также убит русский матрос с женой и ребенком. Полковник Нерике и лейтенант Иванов были зарезаны и спущены в море. Та же участь постигла и рабочих, которых японцы встретили по возвращении их с работы и, убив их, там же кинули с камнями на шее в море в мае. Женщина же подвергалась издевательствам и насилию в течение долгого времени и в конце живую была сброшена в море.

В этом районе наблюдается даже частичное бегство жителей в горы, так как японцами все у них отбиралось и убивались олени.

Все это мне передал вышеуказанный староста, бывший свидетелем этой страшной трагедии. Упомянутые убийцы, японские рабочие, после убийства 5 июня сего года на пароходе «Владиво-мару» выехали на родину, увозя перечень следующих товаров: 5 ящиков винчестеров, 35 штук лисиц, 24 медвежины, 50 песцов молодых и старых, оленьих шкур в количестве 250 штук, палаток высшего образца 40, 15 штук кухлянок, коряжских шапок, большое количество: золотые кольца, часы, костюмы, золотые зубы с

убитого полковника и много другого домашнего скарба».

Следствия по этим страшным преступлениям не велось, виновных не наказали. В том же документе Д. Н. Бахирев поясняет почему: «...В Петропавловск судно («Иче-мару») пришло в 6 часов вечера 10-го августа, и 11 числа я выехал на военный пароход дальневосточного правительства «Магнит», где в это время находился ревизор рыболовства, и доложил ему о виденном, просил его принять меры охраны имущества, расхищаемого японскими судами, но ввиду того, что в порту стояли японские суда и предпринять что-либо было невозможно, мой доклад и заявление было оставлено без последствий. Там же стояло японское судно, за хищение арестованное заведующим Командорскими островами, но, несмотря на арест, в ночь, снявшись с якоря, оно ушло в неизвестном направлении...»

Иными словами, российский суверенитет над северо-восточными территориями страны имел характер юридический, но никак не фактический.

[...]

Опасность потери Россией восточных областей значительно усилилась после того, как Япония, оставив в прошлом междоусобную самурайскую резню, попыталась втиснуться в известный ряд тогдашних мировых хищников (Англии и Франции). Первые территориальные приращения Страны восходящего солнца за счет России происходили мирно. Вначале все тот же Александр II в 1875 году «поменяет» Курильские острова на южную, японскую, часть Сахалина. Так подданные микадо окажутся у берегов Камчатки и начнут давиться слюной жадности, узнав, сколь богата она рыбой и пушниной, в том числе соболем, голубым песцом и морской выдрой.

Внук Александра II, тоже второй, но Николай, начнет расставаться с дальневосточными территориями после постыдного поражения в русско-японской войне...

По условиям Портсмутского мира Токио отойдет южная часть Сахалина. Российская империя сохранит северную часть острова и Камчатку за собой, но вынуждена будет отказаться от размещения здесь воинских команд, строительства оборонительных

укреплений и допустить алчущего чужих богатств соседа к разработке природных ресурсов северо-западной части Тихого океана, Берингова и Охотского морей. Хотя действия Японии в годы войны 1904–1905 годов позволяли судить о том, что она не прочь прибрать к рукам весь Сахалин и Камчатку.

Экспедицию японских ополченцев на юго-восток полуострова во главе с лейтенантом Сечу Гунзи местные дружинники, действиями которых руководил старший унтер-офицер М. И. Сотников, уничтожат.

Вторжение ополченцев стало только одним эпизодом военной экспансии подданных микадо. 1 августа 1905 года два японских крейсера войдут в Авачинскую губу и начнут обстрел Петропавловска, но вскоре огонь прекратят, убедившись, что население покинуло город. Высадившийся десант из двухсот человек обошел дома обывателей. Морская пехота уносила с собой все мало-мальски ценное, что могла найти. Рацион экипажей крейсеров пополнило мясо нескольких забитых коров, которых петропавловские обыватели не успели увести с собой. Самые большие трофеи японцы захватили в здании городской управы. Чиновники в спешке эвакуации забыли о документах и городской кассе.

Заглянули японцы и на Командоры. Здесь они искали пушнину – песцов и каланов, но, как следует из документов, русские власти на островах, проявив расторопность, меха успели вывезти. Японцам досталась небольшая сумма денег и несколько винтовок системы Бердана. И вновь пострадали коровы. Все стадо острова Беринга, состоявшее из шести голов, отправилось в «провизионки» имперских крейсеров.

После войны японцы, появившиеся на Камчатке в качестве рабочих крабовых заводов и промысловых лососевых участков, вели себя с беспардонностью захватчиков. 16 июля 1906 года подданные микадо, застигнутые за браконьерским промыслом, убили отличившегося в годы войны М. И. Сотникова и восемь его спутников. Еще два местных жителя, спасаясь от бандитов, утонули в реке.

В последующие годы напряжение в отношениях между жителями северо-восточных территорий Российской империи и иностранцами нарастало.

Тогдашний генерал-губернатор Приамурского края П. Ф. Унтербергер не скрывал тревоги в отношении положения дел на российском Дальнем Востоке. В записке на имя председателя Совета Министров П. А. Столыпина 24 марта 1908 года он пишет:

«Япония, готовясь к... [русско-японской войне] с лишком 25 лет, преследовала мысль отодвинуть Россию от моря, дабы занять доминирующее положение на азиатском материке Тихого океана, и в то же время взять с нас после удачной войны крупную контрибуцию...

Цель эта Японией не достигнута, а между тем государственный долг достиг суммы около двух с половиной миллиардов иен при приблизительно 500-миллионном нормальном бюджете.

Признаки, что Япония не оставит свою мысль, а готовится к новым агрессивным действиям, проявляются в том, что она тотчас по окончании войны начала лихорадочно не только приводить в порядок расстроенные части армии и флота и их материальную часть, но еще увеличивать как численный состав армии, формированием новых частей, так и флота, сооружением новых судов с перевооружением пехоты и артиллерии... Вся эта напряженная деятельность продолжается и ныне, несмотря на заключение с нами рыболовной конвенции, торговый трактат и политическое соглашение...

Теперь на Камчатку надвигается стихийно толпа японских рыбопромышленников, которые, не довольствуясь предоставленными им и без того большими правами рыболовной конвенцией, стремятся распространить хищничество на места, конвенцией не предоставленные. Кроме того, они входят в общение с местными жителями с целью подчинить их своему экономическому влиянию, последствием которого неминуемо окажется разорение богатств, служащих основой питания тех же жителей.

При таких условиях оставлять эту окраину в зависимость от удаленного Владивостока нельзя, и ее нужно выделить вместе со всеми остальными северными уездами в отдельную область с губернатором во главе, обеспечив при этом областную администрацию как надежными средствами надзора, так, равно, и передвижения. Без этого неминуемо, через относительно короткий промежуток времени японцы сделаются хозяевами Камчатки, и удаление их оттуда, когда они будут связаны значительными материальными интересами, вызовет, без всякого сомнения, серьезные затруднения и даже политические осложнения. Следует с самого начала положить преграду

хозяйничеству японцев, и тогда с этим вопросом легче будет справиться. В этих видах надо усилить промысловый надзор и надзор вообще за деятельностью японцев...»

Продолжение следует